

Каразин Николай Николаевич

Тигрица. Быль

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич К.**
Тигрица. Быль / Каразин Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 176 с.

ISBN 978-5-519-88187-6

ISBN 978-5-519-88187-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„ТИГРИЦА“.

БЫЛЬ.

„Мои странствованія и встрѣча“.

I.

✱ Вотъ уже три часа, какъ я вернулся изъ театра...

Я уже раздѣтъ, лежу подъ одѣяломъ, держу передъ глазами какую-то книгу.

Еслибъ кто-нибудь смотрѣлъ на меня со стороны, онъ бы могъ думать, что я читаю.

Нѣтъ, я не въ состояніи,—я не могу читать.

Строки сливаются въ сплошныя, сѣрыя полосы, въ глазахъ рябитъ отъ этихъ полосъ, заглавныя буквы прыгаютъ передо мною... какое-же тутъ чтеніе!...

Я уже пробовалъ заснуть... я потушилъ свѣчу,—но тотъ часъ-же зажегъ ее снова...

Я весь охваченъ какимъ-то страннымъ, лихорадочнымъ волненіемъ... Вѣдь не пьянъ же я, въ

самомъ дѣлѣ! Я даже не ужиналъ сегодня... значить,—я боленъ!

Я припоминаю, что когда-то испытывалъ уже нѣчто подобное.

Это было лѣтъ восемь тому назадъ... Кажется... да... это было въ Ходжентѣ, въ одной изъ тамошнихъ опиумныхъ лавочекъ...

Путешествуя по центральной Азіи, изучая мѣстные нравы и обычаи, я, между прочимъ, дѣлалъ надъ собою опыты отравленія гашишемъ... Ощущеніе, которое я испытывалъ тогда и которое испытываю теперь, чрезвычайно похоже.

Я, кажется, начну скоро бредить... У меня уже бессознательно сорвалось съ языка нѣсколько словъ...

Мой слуга-татаринъ пріотворилъ дверь, вопросительно посмотрѣлъ на меня, выждалъ немного и скрылся.

Я закрылъ глаза, — а все-таки вижу... Передо мною ясно, отчетливо...

— „Да на нее и смотрѣть даже страшно...“

Это сказалъ вслухъ мой сосѣдъ по креслу въ театрѣ...

Какая толпа сгруппировалась у барьера, сколько биноклей направилось на одну и ту-же ложу...!

Да, это было какое-то особенное, поразительное явленіе,—явленіе, непривычное для глазъ петербуржцевъ.

Ложа, второй номеръ бель-этажа, обращала на

себя несравненно большее вниманіе, — чѣмъ сама сцена.

Ту, кто сидѣлъ въ этой ложѣ, никто до сихъ поръ, никогда не видѣлъ.

Очень можетъ быть, что второй разъ она и не покажется. Она, очевидно, не здѣшняя, петербургская;—она дитя юга.—Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія .

Сегодня я попалъ въ театръ случайно.

Я не собирался туда вовсе; пьеса меня не интересовала нисколько—я даже не потрудился узнать, что играютъ. Машинально подошелъ я къ кассѣ... Узкіе проходы передъ ея окномъ были, противъ обыкновенія, пусты;—самое окно, завѣшанное тафтяною занавѣскою, свѣтилось зеленымъ четвероугольникомъ; надъ окномъ висѣлъ ярлыкъ,—на ярлыкѣ этомъ четко и ясно значилось:—„билеты всѣ проданы“.

Нисколько не огорчившись этимъ молчаливымъ отказомъ, я повернулъ назадъ.

— Вамъ кресло требуется? подошла ко мнѣ портная, старая шинель съ капишономъ.

— Да, пожалуй...

— Вотъ мое... самъ я не могу быть, заговорила шинель такимъ вкрадчивымъ, мягкимъ голосомъ. —Я не барышникъ... я за свою-же цѣну... Этотъ билетъ мнѣ прислали... но я предпочелъ-бы получить деньги... знаете, бываютъ случайныя обстоятельства...

Я взялъ протянутый мнѣ клочекъ розовой бумажки, расплатился, взглянулъ на продавца...

Я видѣлъ только поля смятаго цилиндра, полысѣвшій, вылинявшій боберъ на воротникѣ; между тѣмъ и другимъ кончикъ блѣднаго, заострившагося носа,—больше ничего...

Не зайди я въ театръ, не подходи къ кассѣ, не встрѣть этого проклятаго, восковаго, словно у трупа—носа, я бы...

Да, я бы спалъ теперь спокойно, не испытывая этого дурацкаго волненія...

Что же это такое въ самомъ дѣлѣ?... Вѣдь не влюбленъ же я!... Только въ старыхъ романахъ случаются такіа диковины, что вотъ такъ—взялъ, увидалъ, да и сразу...

Нѣтъ, рѣшено! Надо встать, одѣться, поѣхать къ Воронину, или хоть къ Тулякову, взять холодную душу, принять, пожалуй, ложку... говорятъ, это помогаетъ въ такихъ случаяхъ... потомъ снова лечь, почитать чего-нибудь поусыпительнѣе „Сестру милосердія“ или „Простыя рѣчи“, что-ли...

— Гайнула—одѣваться!...

Или я очень тихо произнесъ этотъ призывъ, или-же не произносилъ его вовсе. Мой татаринъ не явился на этотъ разъ съ своими услугами....

Проснулся я на другой день за полдень, проснулся свѣжій и бодрый, только съ остатками легкой головной боли, которая отъ перваго же стакана чернаго кофе благополучно разсѣялась.

Теперь я успокоился; нервное потрясеніе, произведенное на меня этою женщиною, улеглось; я уже могу отдать себѣ отчетъ,—я припоминаю.

Ложа была драпирована, эта драпировка скрывала мужчину — спутника незнакомки; я видѣлъ только руку его въ толстой военной перчаткѣ и синій обшлагъ мундира, за то онъ сидѣла вся на виду, у самаго барьера, какъ-разъ по срединѣ ложи. Изъ-подъ черной, бархатной шляпы съ какимъ-то необыкновенно яркимъ плюмажемъ и цѣлымъ огородомъ пестрыхъ цвѣтовъ выбивались черные, блестящіе локоны, обрамливая лицо и спускаясь ниже плечъ; тѣнь отъ шляпки закрывала половину лица; густыя брови, почти сросшіяся надъ носомъ, казались отъ этой тѣни еще темнѣе и рѣзкими полукругами очерчивали глазныя впадины; глаза ея, правильно прорѣзанные, отбѣненные длинными рѣсницами, смотрѣли смѣло, даже дерзко—они словно вызывали, и невольно заставляли потупляться встрѣчные взгляды, отводить въ сторону—безцеремонно направленные бинокли.

Тонкій прямой носъ, красивый вырѣзъ ноздрей, маленькій ротъ и блестящіе бѣлые зубы, указывали ясно на ея происхожденіе. Смуглый цвѣтъ лица, почти кофейный, съ чуть замѣтнымъ бархатистымъ румянцемъ на щекахъ, носилъ на себѣ слѣды южнаго загара, не смытые даже нашимъ сѣвернымъ морозомъ...

Не смотря на высокую температуру въ театрѣ —ей, кажется, было холодно; она плотно завернулась въ яркую восточную шаль, обтянутыя складки которой отчетливо обрисовывали ея кругленькія плечи и высокую, атлетически-развитую грудь...

Черезъ всю правую щеку ея тянулся довольно замѣтный рубецъ-шрамъ, оставшійся должно быть отъ раны; этотъ рубецъ начинался почти отъ наружнаго угла праваго глаза и кончался у подбородка.. но это нисколько не портило лица красавицы—и придавало ей еще большую, какую-то дикую, грацію.....

Едва я взглянулъ на нее — я уже не спускалъ съ нея глазъ, я отворачивался только тогда, когда взгляды скрещивались... Я пробовалъ противиться, пробовалъ выдержать,—и не могъ... Кажется и всѣ остальные испытывали то же ощущеніе. Недаромъ же мой сосѣдъ замѣтилъ, что „на нее даже смотрѣть страшно“.

Да, страшно... Мнѣ кажется, что въ темнотѣ эти глаза должны сверкать какъ уголья...

Взглядъ ея не былъ обыкновеннымъ, естественнымъ взглядомъ... Въ немъ отражалась какая-то особая внутренняя сила.... Какое-то могучее чувство одушевляло его и придавало ему это чарующее, пронизывающее насквозь выраженіе....

Я не знаю, какое это было чувство, но это чувство не могло назваться любовью.

Мнѣ случалось не разъ, въ густыхъ камышевыхъ заросляхъ „Сыра“ и „Аму“ лицомъ къ лицу встрѣчаться съ тигрицею... Я встрѣтился разъ съ такою, которая отыскивала по слѣду своихъ, только что выкраденныхъ изъ логовища дѣтенышей.... Она была убита; пуля изъ берданки оказалась сильнѣй ея отваги, ея острыхъ зубовъ, ея желѣзныхъ когтей, но я никогда не забуду того взгляда, который бросило на меня умирающее животное....

Въ данную минуту мнѣ припомнился именно этотъ послѣдній взглядъ, съ тою только разницею, что онъ былъ мгновенный, вспыхнувшій и моментально погасшій, вмѣстѣ съ послѣднею искрою прерванной жизни....

Теперь же подобный взглядъ былъ постояненъ, продолжителенъ, онъ преслѣдовалъ меня своимъ молчаливымъ укоромъ,—напоминалъ мнѣ о неотразимой, беспощадной мести....

Въ лихорадочномъ бреду, охватившемъ меня сегодня ночью,—смуглая красавица въ ложѣ представлялась мнѣ ожившей, преображенной тигрицей... Разстроенное воображеніе, взбудораженные нервы рисовали мнѣ грандіозныя картины южной природы... Да, это ея настоящая обстановка,—а не здѣсь, въ этой ложѣ съ драпировками, въ этомъ обществѣ людей, носящихъ цивилизованное платье, обладающихъ, хотя по внѣшности—цивилизованными нравами и обычаями.

— C'est un monstre! донеслось замѣчаніе изъ
ложи бенуара....

— Non, c'est une femme! слышалось другое
замѣчаніе—рядомъ....

Я взглянулъ туда: это переговаривались двѣ
рыжекудряя дочери Парижа,—лорнируя мою „тиг-
рицу“.

Два антракта подрядъ я бродилъ по корридору
бель-этажа, рассчитывая, что незнакомка выйдетъ
изъ ложи,—но объ мои прогулки были безуспѣш-
ны. Двери ложи оставались заперты; тамъ было
тихо,—въ противоположность сосѣдней, гдѣ бол-
тали безъ умолку.

Спектакль еще не былъ оконченъ, когда она у-
ѣхала; я помню, какъ бросился я къ подъѣзду, какъ
я выскочилъ на морозъ, не успѣвъ даже отыскать
своей шубы... и снова безуспѣшно.

Я слышалъ только, какъ щелкнула дверца ка-
реты, какъ закрипѣли по снѣгу ея колеса. Я,
впрочемъ, слышалъ приказаніе, отданное кучеру:
„Домой!“ Но куда—домой—куда именно?!...

Однако голосъ приказывавшаго показался мнѣ
знакомымъ;—жаль, что я не могъ видѣть его въ
лицо: умышленно или нѣтъ,—но онъ такъ тща-
тельно скрывался все время за драпировками сво-
ей ложи.

Нѣсколько дней спустя мнѣ надо было навѣстить
одного моего пріѣзжаго знакомаго. Я зналъ, что

онъ остановился въ „Hôtel de Paris“ и, выбравъ удобное время, направился туда....

Разсматривая доску, гдѣ записаны всѣ живущіе, кто въ какомъ номерѣ; я невольно обратилъ вниманіе на знакомую мнѣ фамилію: „Наземовъ, полковникъ, № 14“. Едва я взглянулъ на эту надпись, какъ тотчасъ-же мой слухъ отчетливо и ясно воспроизвелъ слышанное мною на подъѣздѣ театра „домой!“—это былъ его голосъ.

У меня даже голова закружилась отъ волненія. Такъ, значить, здѣсь! Я могу къ нему взойти, я могу видѣть его, я могу, конечно, видѣть и....

— Наземовъ въ номерѣ четырнадцатомъ? машинально спросилъ я у швейцара.

Тотъ молча стеръ рукавомъ написанную фамилію.

— Зачѣмъ?...

— Сегодня съ у т р е н н и м ъ въ Москву выѣхали, стереть забыли, удовлетворилъ мое любопытство швейцаръ.

Я закусилъ губу отъ злости....

— Онъ одинъ здѣсь жилъ?... спросилъ я, подавивъ, на сколько могъ, свое волненіе.

— Никакъ нѣтъ, съ барыней....

Мнѣ показалось, что швейцаръ улыбается, глядя на меня, да еще какъ! Конечно, мнѣ это только показалось....

— Кто такая?...

Не знаю почему, но я чувствовалъ, что краснѣю до ушей....

— Индіянка какая-то, сказывали, а можетъ татарка... Впрочемъ, не могу знать, потому наше дѣло... извѣстно....

Но я уже не слушалъ, въ чемъ состоитъ его швейцарское дѣло и вышелъ на улицу, забывъ о своемъ пріятелѣ, забывъ настоящую цѣль моего посѣщенія.

А вѣдь могъ-же я днемъ раньше прійти сюда, ну хоть вчера еще вечеромъ, могъ-же вѣдь... собирался даже....

„Индіянка, а можетъ быть татарка“—вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя я могъ собрать объ ней, объ этой тигрицѣ, я ее не могу называть иначе. Развѣ написать Наземову, мы когда-то были съ нимъ хороши... Да гдѣ онъ теперь?... Уѣхалъ въ Москву... Москва велика, тамъ онъ былъ навѣрное проездомъ. Конечно, разузнать можно: стоитъ только поѣхать въ главный штабъ, похлопотать, справиться... но только изъ-за чего бѣсноваться, ради какой именно цѣли?...

Вотъ это-то „изъ-за чего“ и пришло мнѣ въ голову на другой же день послѣ моего визита въ „Hôtel de Paris“, а мало по малу, даже очень скоро, изгладились и слѣды впечатлѣнія, произведеннаго на меня этою женщиною. Я даже сталъ приписывать все случившееся со мною исключительно нервному раздраженію, моей временной болѣзни, усиливающей въ данную минуту мою впечатлительность.